

В.В. Щебланова

ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА В РАКУРСЕ РИСКОВ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

В статье представлен авторский анализ, по-новому концептуализирующий терроризм как рискогенный фактор социальных изменений. Мы показали, что террористические действия предполагают временные отношения и имеют место, находясь в пространственной связи с другими явлениями; процессуальность терроризма, инициируемого конкретными целеполаганиями, является дискретной и включает несколько составляющих. Присущие терроризму характеристики социального изменения кратко прослежены в российской ретроспективе. Используемый теоретико-методологический подход подчеркивает специфическую сущность рискогенного явления, демонстрирует объяснительные возможности в контексте концепций социального изменения, рисков, высвечивающих основные признаки, сложность структуры современного терроризма и спектр инициируемых им для социальной системы последствий. Современный терроризм представлен глобальным риском, фактором изменений, модифицирующим социальную организацию общества, социальную структуру и установленные в обществе образцы.

Ключевые слова: *социальные изменения, социальный риск, трансформации, вариативность терроризма, насилие, террор, глобализация, последствия террористических действий.*

Keywords: *social changes, social risk, transformations, variability of terrorism, violence, terror, globalization, the consequences of terrorist actions.*

Проблема терроризма остается значимой для всего мирового сообщества. Глобализация современного мира расширяет проблематику терроризма, формирует тенденции его универсализации. В этих условиях актуализируется необходимость всестороннего и глубокого изучения явления терроризма как важной, неотложной проблемы социологической теории и социальной практики.

Научные труды российских и зарубежных авторов, появившиеся в последние десятилетия, непосредственно затрагивают теоретико-методологические проблемы анализа терроризма, рассматривают его специфическую сущность, отграничивающую его от сопредельных явлений. Одни исследователи идентифицируют терроризм с преступлением, нелегитимным насилием, правонарушением, другие — с девиацией или аномией. Согласно еще целому ряду точек зрения, терроризм — это форма конфликта, чрезвычайная ситуация, глобальная угроза, сепаратизм, бунт, технология управления массами. В данной статье будет продемонстрирован авторский анализ, по-новому концептуализирующий современный терроризм как фактор социальных изменений, рискогенный феномен, модифицирующий социальную организацию общества, социальную структуру и установленные в обществе образцы.

Существует несколько перспектив осмысления «социального процесса», формирующих возможности различного тематического наполнения. Исходя из теории социального действия, под социальным процессом можно понимать совокупность целенаправленных и повторяющихся акций, совершаемых для достижения определенного результата, состояния. При таком подходе акцент делается на *действиях*, обуславливающих изменения, воспроизводство общества, трансформацию и сохранение его связей, отношений, а под социальным процессом понимается любая поддающаяся идентификации модель социального взаимодействия: конфликт, глобализация, реформа (Андреев 2003: 284–285). Следуя этому пониманию, терроризм — совокупность целенаправленных террористических акций для достижения политических целей и результатов. Иные подходы к постижению социального процесса акцентируют его характеристики становления, развития или развертывание *социальных изменений* в пространстве и времени, их динамику, взаимодействия, типы. Так, П. Сорокин (Сорокин 2000: 80) понимал под процессом любой вид движения, модификацию, преобразование, всякое изменение логического субъекта, касается ли оно его изменения в пространстве или модификации качественных или количественных аспектов. И в этом ракурсе терроризм является фактором социальных изменений, разворачивающихся во времени, пространстве.

Социальное изменение — это переход социального объекта или субъекта в течение определенного времени из одного состояния в другое, что предполагает модификацию социальной структуры и организации общества, его институтов, способов поведения и деятельности людей. Понятие «социальное изменение» охватывает широкий круг разнообразных перемен, сдвигов в обществе безотносительно к их направленности (в отличие от направленного процесса социального развития и социального цикла, не являющегося случайным). Изменение может быть прогрессивным, регрессивным, эволюционным и революционным. Многообразные явления и процессы в обществе имеют разную продолжительность от кратковременной до многовековой (Андреев 2003: 284–285). Различные теории неодинаково осмысливают социальные изменения, их пределы, механизмы и источники. В социологическом осмыслении общества с середины прошлого века произошел переход от метафоры социального организма к метафоре поля. Идеи о нормальности непредсказуемых социальных

изменений (М. Арчер, Э. Гидденс, П. Штомпка, В. Ядов) заставляют избегать заранее установленных критериев оценки этих изменений. Согласно деятельностно-активистской концепции, социальные изменения, во-первых, рассматриваются не как линейные, неизбежно поступательные или непреодолимо возвратные, но как многообразные «пульсирующие» сдвиги. Во-вторых, направленность и содержание изменений зависит и от существующих социальных структур, институтов, и от деятельности многообразных социальных агентов, которые своими практиками способны трансформировать и структуры, и самих себя (Ядов 2005: 25–29). Изменения, вызываемые террористическими практиками, могут направляться государством и оппозициями, целями реакционными и революционными, националистическими и религиозными. И хотя каждая из разновидностей терроризма редко существует в «чистой форме», все же обратимся к условной типологизации терроризма.

Вариативность феномена терроризма

Прежде всего, различают «террор» — государственный терроризм, т. е. репрессивные действия со стороны государства, и «терроризм» — террористическую практику оппозиционных группировок. Оружием государственного терроризма служат репрессии, оппозиционного — террористические акты. Между этими типами существует промежуточное звено — терроризм группировок, поддерживаемый, направляемый государственными структурами. Если же вектор изменений нацелен вовне, предполагает вмешательство во внутреннюю жизнь других государств, речь идет о международном, транснациональном терроризме. Кроме того, выделяют следующие разновидности терроризма: социальный (преследующий цель изменения экономического или политического строя страны); националистический (включающий организации этносепаратистского толка и организации, нацеленные на борьбу против экономического и политического диктата инациональных государств); религиозный (связан с борьбой приверженцев одной конфессии или секты в рамках общего государства с приверженцами другой, и/или с попыткой свергнуть власть светскую и утвердить религиозную) (Витюк, Эфиоров 1987: 237–239). Мы отдаем себе отчет в том, что все отмеченные нами типы терроризма согласно целевой направленности редко выступают в чистом виде, переплетаясь между собой, а наряду с декларируемыми и видимыми модифицирующими целями терроризма существует и его латентная направленность. Тем не менее, такая типологизация позволяет выделить главные и второстепенные черты радикального феномена, что может помочь постичь взаимосвязь характеристик разновидностей терроризма, основанных на политических целях, во всех случаях, связанных с удержанием или достижением власти.

Терроризм, инициируемый конкретным целеполаганием, может осуществляться внутри определенного общества (единицы), а может и вне его, разворачиваясь во временном и географическом пространстве другого. Как фактор социальных изменений, он предполагает временные отношения и находится в

пространственной связи с другими процессами и явлениями. Проявляющийся в разных обществах и в разные периоды, терроризм как вариант воспроизводимый образец не имеет непрерывной тенденции, претерпевает вариации старых тем и наряду с уникальными особенностями обладает повторяющимися элементами (например, это всегда насилие или угроза его применения). Трудности типологизации терроризма обусловлены и быстрой эволюцией феномена во времени и пространстве. Терроризм начала XXI в. имеет непосредственных предшественников в лице крайне радикалистских направлений республиканского, националистического, анархистского толков в Европе и США, народовольчества и анархизма в России. Сохраняя родовое единство с ними, наследуя у них идеологические обоснования, мотивы, приемы, он, естественно, характеризуется рядом особенностей (Витюк 1993: 43), которые порождены, с одной стороны, новыми социально-историческими условиями, с другой — иными политико-стратегическими установками, с третьей — стремительным темпом технологического прогресса, обуславливающего уровень техники и оружия глобального общества риска.

Итак, терроризм может заявить о себе в любом локусе земного шара и имеет долгую историю своего существования (хотя понятия «терроризм», «террор» появились сравнительно недавно, в период Французской революции). Истоки развития терроризма У. Лакер ведет от самой ранней в истории террористических группировок секты сикариев (действовавшей в Палестине в 66–73 гг. н. э.). Чтобы акцентировать характеристики, присущие терроризму как фактору социальных изменений в исторической ретроспективе, мы сосредоточимся лишь на основных моментах его развития в России, где со второй половины XIX в. происходили систематические террористические акции. Террористическое действие в XIX — начале XX вв. осуществлялось индивидами, пропагандирующими ту или иную идеологию, было направлено против института государства и имело целью подорвать устойчивость системы.

Терроризм составлял часть революционной борьбы, а изменение, которое должен был вызвать теракт (например, убийство важных лиц — форма послания, ультиматума правящему кругу лиц), — это «взрыв, который произойдет в обществе и спровоцирует революцию», всколыхнет Россию потрясающими событиями, «придаст толчок, чтобы все поднялось» (Федотова 2003: 5–6). Терракты являлись начальным тактическим элементом революции и скорее пропагандой изменений, переустройства России террористическим действием «снизу». В этот период террористическое действие, нацеленное главным образом на государственный аппарат и господствующие классы, сопровождалось сочувствием населения (Щебланова 2008: 41–52). Революционный терроризм, по сравнению с терроризмом новой формации, не являлся таким значительным трансформирующим фактором, поскольку был ограничен в применении силы, будучи ориентированным на причинение непосредственного вреда конкретному объекту с целью его запугать и подтолкнуть к иррациональным реакциям.

Массовый террор (терроризм «сверху») советского периода был нацелен на изменение существующей системы в направлении формирования некоторого идеального порядка, минимизации дезорганизации, понимаемой как отклоне-

ние от идеального порядка в каждой клеточке общества, на распространение этого порядка на социальные связи и мысли всех граждан страны. Причем жертвой террора мог стать любой человек, его принадлежность к политической, этнической группе для машины террора носила важный, но второстепенный характер. Его цель направлялась на все общество, на создание в нем специфической атмосферы (Ахиезер 1999: 85).

Сегодня, когда процессы информатизации и глобализации продолжают оказывать модифицирующее воздействие на социальные структуры и геополитические реалии, терроризм становится фактором социальных изменений с новыми технологическими возможностями. Новейшие формы глобального терроризма в организационном и оперативном плане сильно отличаются от модели революционного терроризма. В начале нового тысячелетия терроризм заявил о себе как предвестник апокалипсиса, выросший в угрозу вселенской безопасности «на волнах» глобализации.

Современный терроризм — глобальный риск и фактор социальных рисков

Становление взаимозависимого в своих частях целостного социума как устойчивой общности на рубеже XX—XXI вв. резко ускорилося и стало принимать планетарные масштабы. В научной и общественно-политической литературе этот процесс получил название глобализации, онтологические корни его уходят в фундаментальное изменение материальных основ общественного бытия (Левашов 2001: 20). Можно выделить несколько форм проявления глобализации, постижение которых дает возможность лучше понять суть рискогенного фактора социальных изменений.

Как отмечает В.К. Левашов, технический прогресс, во-первых, изменил коммуникативные возможности в пространстве и времени. Пространственно-временное уплотнение сократило дистанции, разделяющие граждан информационного общества. Во-вторых, возросли масштабы взаимосвязей и степень взаимозависимостей в современном обществе. Это происходит столь интенсивно между социальными общностями и движениями, странами и континентами, транспортными корпорациями и развивающимися рынками, что М. Кастельс назвал нынешнее общество «сетевым». Сетевые формы организации обеспечивают гибкость фирм, индивидов и стран. Третьей характеристикой глобализации стал процесс взаимодействия различных культур. Современные электронные средства связи, дистанционного образования и массовой информации, строящие мир по образцу «глобальной деревни» (Маклюэн 2005: 71), сделали возможным обмен культурными образцами в широчайших масштабах, детально и с огромными скоростями. При этом и терроризм, и антитеррористические действия используют масс медиа для внесения сумятицы в сознание людей посредством нагнетания атмосферы разрушения, страха, запугивания, вне всякой связи с реальными материальными последствиями этих ограниченных действий (Кастельс, Киселева 2000: 26). В-четвертых, ускоренное формирование системы глобальных социальных взаимодействий как основы становяще-

гося планетарного социума оказалось возможным в силу «разгосударствления» системы международных отношений. Изменение характера глобального социального процесса явилось результатом изменения состава субъектов отношений, прибавления большого количества транснациональных акторов и организаций (Левашов 2001: 21–22). В контексте этих явлений и перемен формируется тенденция универсализации и глобализации терроризма.

Многие ученые были настроены критически в отношении упований на благоготовность глобализации. Они указывали на то, что глобализация содержит в себе образец распределения и нарастания рисков, в котором таится значительная взрывная политическая сила (У. Бек); на новые проблемы глобального будущего (Т. Иногучи); на конфликт цивилизаций (С. Хантингтон); нелинейность развития и возможные изменения в его направленности (Н. Уоллестайн); на глобализацию лишь как начало нового процесса социальных трансформаций (М. Олбру); на неразрывность глобального и локального (Р. Робертсон); на ее неравномерность и тяжелые последствия в плане разрыва богатых и бедных, развитых и неразвитых стран, на дискриминационную стратификацию наций (доклады ООН); на опасную для общества потерю идентичности и фрагментацию вследствие политики мультикультурализма, идущей дальше, чем просто признание и уважение к многообразию культур, в направлении их партикуляризации (К.-О. Апель, З. Бауман, Б. Барри); на непредсказуемые последствия появления новых политических акторов, возможно, нелегитимных (Я. Пакульски, М. Уотерс, Дж. Скотт); на угрозы гуманитарных интервенций (Д. Уорнер). Опасность интеграции всех этих факторов в общую предпосылку терроризма нового типа отмечена В.Г. Федотовой, по мнению которой, одним из побочных ужасающих следствий глобализации является терроризм (Федотова 2005: 275–293). В течение уже многих столетий совершаются террористические акты, но сегодня они происходят в глобальных масштабах, с совершенно иными социальными и политическими последствиями.

Современный дискурс риска междисциплинарен, он касается статистической трактовки калькуляций риска, доказывает предпринимательскую прибыль и модели принятия решений, дискутирует социальные особенности рисков. Понятие риска обозначает сложный комплекс обстоятельств, с которыми приходится иметь дело в современном обществе (Луман 1994: 135–160). Социология риска исследует основные общественные процессы, проблемы, связанные с неопределенностью, возможностью ущерба, опасностью и угрозами, кризисами и катастрофами, продуцируемыми обществом и угрожающими его существованию. Такие авторы, как У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман, О. Яницкий в течение нескольких последних десятилетий обосновывают глобальные факторы всемирных опасностей и страхов. Проблематика риска — неустрашимый элемент социальной динамики (Яницкий 2009: 5).

Риск может означать соотношение шансов и потерь по отношению к определенному решению: «риск сочетает в себе вероятность неблагоприятного события и объем этого события в потерях, ущербах, убытках» (Владимиров, Воробьев 2000: 40) (если совершена террористическая акция, независимо от масштабности ее последствий, социальный ущерб нанесен). Для одних риск

связывается с опасностями или определяется как мера опасности, для других — это понятие, дополняющее понятие безопасности. Например, К. Исаев определяет риск как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом модернизации как таковым (Исаев 2001: 15). То есть термин «риск» часто заменяется более «социальными» понятиями, такими, как опасность, угроза, кризис, и нам ближе именно такое толкование понятия «риск». В большинстве случаев употребление этих терминов имеет контекстуальный характер и сводится к обозначению возможного источника проблем на пути нормального, безболезненного функционирования общества и поиска вариантов их преодоления, недопущения (Феофанов 2007: 4–9). Терроризм — это глобальный риск, опасность и источник разновекторных социальных рисков. В разросшейся систематике рисков человек занимает новое положение по отношению к собственному будущему, зависящему от решений, положительные и отрицательные последствия которых невозможно охватить (Бехман 2007: 27–32). В восприятии риска и согласии на риск важно, «добровольно или нет» человек оказывается в ситуациях опасности. Например, субъекты терроризма сознательно выбирают ситуации риска и продуцируют риски, пострадавшие же от терактов, безусловно, не принадлежат к добровольно оказавшимся в этой группе.

Характеристикой рисков в современном обществе является их компактизация (о чем в «Макдональдизации общества» писал Дж. Ритцер) в виде промышленных технологий, экспертных (идеологических) знаний, концентрации в компактных объектах, что упрощает социальное производство риска. Производство риска влечет за собой фазы распространения и потребления риска (рис. 1):

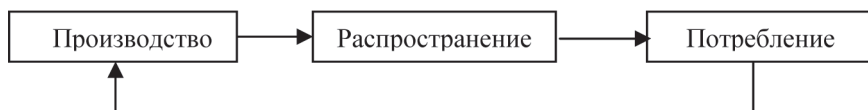

Рис. 1. Процесс воспроизводства риска

Конечная фаза — потребление риска одновременно ведет и к накоплению, росту его массы, поскольку при потреблении риск аккумулируется. Концентрация рисков приводит к «эффекту бумеранга» риска, порождающему обратную связь, взаимозависимость компонентов риск-системы, когда потребление риска является одновременно и началом его производства, ведет к универсализации и глобализации рисков, разрушающих классовые и национальные границы (Гришаев 2002). Для кризисных процессов характерно постоянное взаимодействие с порождаемыми ими рисками, рисковые явления и процессы со временем объединяются в единый клубок социальных проблем: одно способствует другому, образуя ряд кризисно-ценностно-нормативных конгломератов, продолжая и дальше дестабилизировать обстановку. Сегодня имеющиеся опасности, угрозы приобретают взаимосвязанный характер, одна угроза часто влечет за собой цепочку других (Феофанов 2007: 4–9).

По мысли О.Н. Яницкого, нарушение социального порядка — источник социогенных рисков, а социальные изменения, в особенности радикального свойства, суть мощные генераторы социальных и иных рисков. И наоборот, риски, порождаемые, накапливаемые в ходе функционирования некоторой социальной системы, могут провоцировать социальные изменения и геополитические сдвиги (Яницкий 2000: 11). Итак, риски, на наш взгляд, участвуют в механизме взаимобратной причинно-следственной связи с явлением терроризма. Приобретая затяжные формы, риск формирует территории риска, например: «Чечня породила гигантские выбросы энергии социального распада (разрушение систем обеспечения, массовое бегство, безработицу и формирование криминальных структур)» (Яницкий 2000: 19). Риск — постоянный компонент террористических действий: терроризм использует цивилизационные риски, «подпитывается» ими и является мегаисточником, воспроизводящим риски современности. Этот тезис корреспондирует с высказыванием В.Г. Федотовой о том, что терроризм творит новые угрозы, ощущение повседневного риска и глобализации локальных несчастий, и в свою очередь, является одним из побочных следствий глобализации (Федотова 2005: 275).

Последствия террористических действий: качественная и количественная составляющие

Как пишет Д. Дьюи, человеческие действия влекут за собой два вида последствий для других людей, доступных восприятию и вызывающих стремление контролировать эту деятельность, чтобы обеспечить одни последствия и избежать других. Одни последствия воздействуют на людей, непосредственно вовлеченных во взаимодействие, а другие — за пределами взаимодействия. Общество состоит из тех, кто испытывает воздействие косвенных последствий чужих транзакций до такой степени, что возникает насущная необходимость держать их под систематическим контролем, упорядочивать их (Дьюи 2002: 15–19). Суть проблемы — в тщательном и всестороннем учете и изучении последствий человеческой деятельности, а также в выработке мер и средств контроля за этими последствиями. Терроризм влечет за собой обширные, далеко идущие последствия (события, ситуации, состояния), сила же социальной системы проявляется в ее возможности принять террористический вызов или отвергнуть его, преодолеть трудности благодаря адаптивным модификациям. Современный терроризм в интегрированной единице — обществе оказывает силовое воздействие на единицу и направление ее развития. Изменения, претерпеваемые моделью социальной системы (Штомпка 1996: 22), могут проявляться в случае с терроризмом: в *составе* (миграции, вызванные терроризмом; депопуляции из-за значительных жертв терактов, контртеррористических операций (Тощенко 2003: 67; 200; 255; 316); прекращение деятельности террористической организации, распад группы); в *структуре* (возникновение новых форм неравенства — пострадавших, жертв, носителей инвалидности, травм, «чеченского синдрома»; образование новых антитеррористических союзов, коалиций, кооперативных

отношений; повышение сплоченности внутри этнических, религиозных групп); в *функциях* (Щебланова 2006: 88–100) (появление новых специализаций, дифференциации работ, например, по безопасности повседневной жизни); в отношениях подсистем (при терроре осуществляется управление частной жизнью правительством).

Ряд ученых (Э. Гидденс, М. Арчер) полагают решающими именно структурные изменения. По словам Э. Гидденса, социальные изменения — это переменны в структурах социальной группы или общества, отличающиеся в настоящее время особой интенсивностью (Гидденс 1999: 673). Терроризм же — это трансформационный фактор, модифицирующий социальную организацию общества, его социальные институты и структуры. Модифицирующая структурная направленность терроризма подчеркивается определением А.С. Ахиезера, по мнению которого, терроризм направлен на то, «чтобы остановить и повернуть вспять усложнение общества, вызвать массовый инверсионный взрыв, сокрушить государственность, утвердить и воплотить в жизнь массовый утопический идеал». При этом автор сравнивает терроризм с *бунтом*, вновь оперируя понятием «инверсия». Бунт является проявлением инверсии, вызванной модернизацией, развитием большого общества, нарушением уравнительности, действиями местных властей, и выступает как возмущение масс, перерастающее в беспорядки, неповиновение властям, погромы, направленные против тех, кто рассматривается носителем зла (Ахиезер 1998: 500). Но действиям бунтарей присуща иррациональность, и в этом их отличие от террористов, чьи действия определяются целеполаганием.

Однако если Э. Гидденс в теории структуризации (дуальности структуры) выдвигает тезис, что взаимодействие людей происходит в пространстве и времени, то М. Арчер акцентирует прежде всего категорию времени. В работе «Морфогенез и реалистская социальная теория» она вводит понятия морфогенеза и морфостаза, т. е. *становления и существования* социальных форм. Автор выделяет трехчленный процесс как применительно к социальной структуре, так и к культуре: структура создает условия для взаимодействия действующих; это взаимодействие происходит согласно своим внутренним особенностям; в результате возникает новая или видоизменяется старая структура. Как уже сказано, процесс этот носит принципиально временной характер (Арчер 1994). В случае с террористическими действиями новой формации категория времени, постулируемая автором как первостепенная, обретает, на наш взгляд, менее довлеющее значение, поскольку сращивание, «элизия» структуры и деятельности происходит гораздо быстрее, хотя и в соответствии с временной последовательностью, предлагаемой М. Арчер.

Терроризм влечет быстрые социальные изменения, трансформационные террористические действия сжимают временное измерение социальной жизни, и свойства структуры становятся зависимыми от *актуальной* террористической деятельности, задающей пределы, внутри которых могут иметь место и актуальные социальные ситуации. Сокращается демаркационная линия между предсуществующими условиями и актуальными действиями, и более осязаемыми становятся рамки террористических действий современных акторов, т. е. нынешние

террористические интенциональные действия изменяют и конструируют черты современной жизни.

Социальное изменение опосредуется наступлением различных стадий, фаз процесса. Чем более резкое изменение происходит в данном направлении, тем сильнее вызываемые модификации, круче повороты, тем легче заметить и осознать процесс (Сорокин 2000: 89). Как замечает П. Штомпка, одно время социальное изменение идеализировалось как бесспорно положительное, способствующее прогрессу. В настоящее время становится важным изучать влияния быстрого, неожиданного и радикального социального изменения на состояние коллективного агентства и на дальнейшую способность агентов к созиданию. Опыт двадцатого и нынешнего «века изменений» акцентирует теневые стороны изменения, боль, страдания, которые он несет. Поэтому новой в современных теориях изменения становится концепция социального изменения как травмы. Социальное изменение, несущее травматические события, имеет четыре характеристики: временную характеристику в виде неожиданности и быстроты; оно обладает содержанием и размахом — радикальное, всестороннее, затрагивающее основы; у него есть истоки — оно воспринимается как экзогенное, пришедшее извне (мы сталкиваемся с травматическими событиями, страдаем от них, они «происходят с нами»); оно воспринимается в определенном мыслительном контексте — как нечто неожиданное, непредсказуемое, удивительное, шокирующее, отталкивающее. В приведенном П. Штомпкой списке социальных изменений различной величины и значимости вызывающие травмы и отвечающие этому описанию, — акты терроризма и насилия (Штомпка 2001: 6–9).

Существует даже аналитический подход к терроризму, основанный на включении такого измерения, как объективные последствия намерений субъектов террористического изменения. Основной аспект подхода — последствия акта — фокусируется на ущербе от него и том, являлся ли этот акт политическим. Так, некоторые исследователи полагают, что действия являются террористическими в зависимости от величины вызванных потерь. Например: убийство 6 млн. евреев во Второй мировой войне, сбрасывание двух атомных бомб на Японию, убийство 3 тыс. человек 11 сентября в США — понимаются как акты терроризма. Исторические книги, по мнению авторов, полны описаний террористических событий, определенных в них как революционные по природе: американская, французская, российская, китайская революции (Oliverio, Lauderdale 2005: 154). И эта позиция, как мы видим, демонстрирует апостериорный (постфактумный) подход к анализу феномена.

Терроризм как неожиданный, быстрый, радикальный травматический фактор несет негативные, дисфункциональные последствия, затрагивает основу способности агентов к созиданию, вызывает трагические перемены в жизненном мире людей, моделях их поведения и нарушения обычного образа мыслей и действий. Двухэтапный механизм достижения цели (устрашить применением насилия, а затем заставить выполнить требования) отличает терроризм от таких «одноходовых» проявлений насилия, как уголовное (Беглова 1991: 38). Ведь при теракте происходит нанесение ущерба третьим лицам — людям, не являющимся объектом воздействия, и задействованы три стороны:

субъект терроризма, жертва и органы власти (или общественность), к которым апеллируют террористы.

В соответствии с критерием *качественной* направленности, рискогенный фактор влечет переходы из одного качественного состояния в другое (например, от здоровья к травмам, болезням, мир сменяется вооруженными действиями, разрушениями). С позиции человеческой жизни террористические действия ведут к ее сокращению, подрывают основы человеческого бытия, нарушают гармоничные отношения людей (друг с другом, и даже с самим собой). Общим следствием террористических действий как прошлого, так и настоящего веков является распространение страха (Маслова 2005: 112), лишаящего людей способности к критической оценке ситуации, когда даже незначительная опасность вызывает состояние незащищенности, оцепенения, безысходности, паники, ужаса, и как следствие, — иррациональное, непредсказуемое поведение и человека, и общества. Поскольку посредством причинения имущественного ущерба или убийства людей с определенным символическим значением терроризм преследует цели достижения таких последствий, как страх, ужас, чувство опасности, то террористические атаки — это передачи сообщений-угроз, делающих терроризм механизмом коммуникации и социального контроля (Imbusch 2006: 489). Как считает П. Имбуш, в этом смысле даже цели, мотивы и обоснования для террористического насилия взаимозаменяемы, поскольку нападения будут изматывать, подрывать противника.

Д. Элфейд приходит к выводу, что, говоря о страхе и неопределенности в будущем, СМИ даже продвигают терроризм. Так, в США ключевые СМИ муссировали тему длительных отношений между страхом и террористическим преступлением. Дискурс страха автор определил как коммуникацию, осознание символики и ожидание того, что опасность и риск будут центральными чертами каждодневной жизни (Altheide 2007: 287). Страх как цель и орудие террористических действий, средство контроля также акцентируются Х. Купером. В качестве базисного в размышлениях над концептуализацией терроризма он приводит следующее определение: терроризм — это преднамеренная генерация массового *страха* людьми с целью обеспечения или сохранения контроля над другими (Соопер 2001: 882–883).

Количественная составляющая терроризма рассматривается в нескольких возможных направлениях его развития. Процесс развития терроризма может проходить по нескольким векторам. Во-первых, по направлению расширения географии проводимых терактов (развитие изменений «вширь»). Во-вторых, развитие терроризма происходит по пути усиления действий — роста частоты и масштабности терактов и их последствий, увеличения массовости жертв терроризма (развитие терроризма «вглубь», эскалация терроризма). Все это будет зависеть от увеличения финансирования террористических действий, применения более технологичных средств, взрывных устройств, повышения уровня подготовки взрывотехников, боевиков и диверсантов; участия в террористической деятельности опытных стратегов и специалистов, создания новых, более мобильных подразделений (Коробов 2005: 11–12). При этом развитие фак-

тора в обоих направлениях (вглубь, вширь) может происходить одновременно. Хотя за время существования терроризма уровень терактов увеличивался, уменьшался, сходя на нет, и вновь возрастал, оставаясь какое-то время постоянным. Согласно статистике М. Тарусина (Тарусин 2002), за период 1991—2002 гг. в России (за исключением Чечни) было совершено 33 теракта, погибло около 800 человек мирного населения, ранено более 500. В ходе антитеррористической операции с 1 октября 1999 г. по 28 мая 2001 г. потери федеральных вооруженных сил составили 3,1 тыс. человек убитых и 9,2 тыс. человек раненых. Численность погибших мирных жителей в результате чеченского конфликта на 2002 г. составила 25—30 тыс. человек (Кукса, Кислицын 2002).

Проблемы «узнавания» современного терроризма

Современный терроризм по степени регулирования занимает промежуточное положение между стихийными и управляемыми процессами. Вероятностный характер терроризма сближает его с процессами катастрофического типа (Бодрийяр 2000: 66). Как замечает П. Валдманн, «даже если политические деятели и политики с трудом признают это, не существует уверенного средства профилактики против терроризма: ни против терроризма как современной проблемы в целом, ни против некоторых террористических групп, движений или отдельного террористического нападения» (Waldmann 2006: 519). Террористические акты теперь включены в перечень чрезвычайных ситуаций на территории России, хотя и не принадлежат к чрезвычайным ситуациям природного или техногенного характера. В настоящее время террористические действия не являются этапом в рамках общей стратегии, а представляют собой самостоятельный уровень борьбы. Новейшие формы транснационального терроризма практически независимы от поддержки местного населения. Если терроризм революционеров, эсеров выполнял функцию мобилизации сил, необходимых, чтобы вступить в противостояние с государственным репрессивным аппаратом, то новейший терроризм ставит целью ударов сложнейшие и уязвимые структуры современных обществ, незначительная дезорганизация которых серьезно влияет на психическое состояние людей. Подтверждением этому являются недавние теракты в московском метро (март 2010 г.). В Мумбае (Индия, ноябрь 2008 г.) террористами были захвачены два пятизвездочных отеля, рестораны, аэропорт, вокзал. Или, например, сеть «Аль-Каиды» при совершении терактов «обошла» американских военных, нанеся удар непосредственно по экономической инфраструктуре западного общества, стратегической целью воздействий на США было остановить или нарушить потоки людей и капиталов, в качестве мишеней выбирались легко уязвимые гражданские объекты. Меры безопасности, введенные после 11 сентября 2001 г., привели к замедлению пассажиропотоков на определенных направлениях и, как следствие, к финансовому ущербу, что наряду с прямыми затратами на усиление мер безопасности повлекло рост издержек западной экономики. Вероятно, осознавая, что в капиталистической экономике потеря времени равнозначна потере денег,

террористы заставляют мир постоянно ощущать угрозу и принимать превентивные меры безопасности (Мюнклер 2004: 220–221). А это, уже независимо от того, реализовались теракты или нет, ведет к новым издержкам. И хотя многочисленные «эксперименты» демонстрируют, что сознательные злоумышленники могут пронести на борт оружие, взрывные боеприпасы, дискурс о терроризме продолжает настаивать, что эти проверки должны оберегать нашу безопасность (Altheide 2007: 304), т. к. мир *изменился* после 11 сентября.

В этом же смысле новый терроризм следует модели древней опустошительной войны. Так кочующие орды врываются в центры цивилизаций и огнем и мечом наносят им, в первую очередь, экономический ущерб. При этом нападающие не были заинтересованы во вступлении в битву с регулярным войском и избегали этого, не будучи готовы к длительным сражениям, однако у них имелось преимущество в подвижности. Сегодняшние террористы действуют тайно, быстро, не оставляя времени для принятия оборонительных мер, что дает возможность наносить урон противнику, который сильнее их почти во всем. Этому оптимально соответствует организационная структура в виде не привязанных к определенной территории террористических сетей (Мюнклер 2004: 220–221).

Терроризм не требует мобилизации большого числа повстанцев, установки больших арсеналов или оккупации участка земли. Достаточно того, что ограниченный круг людей (в основном, мужчины 25–35 лет) не боится никаких жертв ради его целей, конспиративно продумывает план удара и осуществляет его на практике. При этом при определенных обстоятельствах терроризм вдохновляется внешними образцами или внешние эксперты направляют удар, так что в соответствующей стране, где произошла атака, трудно обнаружить следы ее предыстории и подготовки (Waldmann 2006: 519). Таким образом, можно сказать, что современный терроризм — одна из форм войны. Он согласовывается с восходящим к К. Клаузевицу определением войны как акта насилия с целью навязать противнику свою волю. И террористические сети, лидеры военизированных формирований и полевые командиры ведут войну (Мюнклер 2004: 219–224). Явления терроризма и войны всегда обладали схожими признаками: использование оружия, кровопролитие, устрашение, гибель людей, разрушения, в обоих случаях речь шла об использовании насилия. Но раньше грань между терроризмом и войной проводилась в том, что основным объектом нападения террористов является гражданское население, а в процессе войны действия сторон должны направляться против военных формирований, жертвы среди гражданского населения — лишь сопутствующий элемент. Однако, как замечает В.В. Серебрянников (Серебрянников 1998: 10; Терроризм в современной России... 2001: 4–5), фиксирующий возрастающую направленность войн прошлого века против гражданского населения, XX столетие сблизило понятия войны и терроризма.

Конечно, разграничение понятий «войны» и «терроризма» можно попытаться провести в том, что в случае войны действуют армии, располагающие средствами, которые предоставляет, как правило, государство, а в случае терроризма — небольшие объединения террористов с вооружением, доставаемым

путем тайных «налетов» или закупок на средства частных лиц и, как правило, негосударственных организаций (Витюк, Эфиоров 1987: 231). Военнослужащие открыто носят знаки различия, оружие, террористы же скрывают причастность к террористической организации, наличие оружия, маскируются под мирных жителей. Однако новые транснациональные террористические сети внетерриториальны, действуют, преодолевая любые границы, чем сразу же обесценивают национальную грамматику армии и войны. Как отмечает У. Бек, мы переживаем теперь в военной сфере смерть удаленности, конец государственной монополии на применение вооруженной силы в цивилизованном мире. Мы стоим на пороге «индивидуализации войны», когда войну может вести индивидуум против государства. Благодаря жутким картинам Нью-Йорка некая террористическая группа в один миг сделалась новым глобальным актором, вступив в противостояние с государством, экономикой и гражданским обществом (Бек 2001).

По сравнению с оппозиционным терроризмом прошлого века в настоящее время изменился *объект* террористической направленности — наряду с сохранением убийств, покушений на значимых лиц все чаще он анонимен и направлен на гражданское население (оставшееся в живых) и инфраструктуры. Объектом воздействия современного терроризма является все общество, через которое нужно склонить власть к принятию того или иного решения. Такая объектность терроризма акцентируется определением, предложенным Ю.П. Кузнецовым, согласно которому, это «насильственные действия, направленные на принуждение элиты и толпы, со стороны определенных организаций и одиночек, к выполнению политических решений на государственном или межгосударственном уровне» (Кузнецов 1998: 27).

Субъекты терроризма вместе с объектом представляют взаимосвязанные, взаимообусловленные стороны общественных отношений господства и подчинения. Субъектами современного терроризма являются негосударственные структуры деструктивной направленности (социальные группы, организации, секты, кланы, отдельные лица), стремящиеся достичь целей с применением террористических средств. При этом для террористических объединений выбираются наименования, избегающие понятия «терроризм» и актуализирующие темы освобождения, возмездия, армейские ассоциации (Национальный освободительный фронт, Народный фронт для освобождения Палестины, Родина и свобода, Тигры освобождения Тамил Элама, Национальная военная организация, Ирландская республиканская армия, Африканское движение сопротивления, Организация для защиты свободы народа, Еврейская лига обороны, Организация для угнетенных этой земли, Палестинская организация возмездия, Сияющая тропа) (Hoffman 1999: 35–36). Субъекты современного терроризма становятся все более анонимно обезличенными, об этом свидетельствует и массовое превращение террористов в смертников. Все равно, кто выполнит эту задачу, главное, чтобы поток смертников не прекращался. СМИ свидетельствуют о совершенно разных жизненных траекториях, приводящих того или иного человека к исполнению теракта. А является ли террорист инструментом, шангажируемой жертвой или обдуманно действующим субъектом, для террористи-

ческой акции не имеет значения (Савченкова 2005: 28), что значительно обесмысливает героический пафос смертников.

Терроризм — это крайняя форма *радикализма* и *экстремизма*. В основе экстремистских действий лежит ряд направленных процессов изменения существующего положения: подрыв, разрушение социальных структур и политических институтов; отрицание инакомыслия и навязывание собственных убеждений. Если радикализм фиксируется идейной направленностью крайних методов, то экстремизм — это всегда реализация деструктивных, дестабилизирующих действий, обусловленных негативным отношением к действительности, и это признание одного из возможных способов решения проблемы как единственно возможного (Маслова 2005: 112–113). Являясь частью экстремизма, из широкого ряда его проявлений (мятеж, создание параллельных структур власти, выдвижение ультиматумов, акции гражданского неповиновения, вооруженное сопротивление конституционным органам), терроризм использует крайние методы достижения политических целей (Петрищев 2001: 11), допускающие убийства государственных, политических, общественных деятелей, рядовых граждан, разрушения материальных объектов.

Не игнорируя различия обсуждаемых феноменов, как и террористических действий, проводимых в разных исторических типах общества, напомним, что в них есть общий, объединяющий момент: все это различные формы политического насилия. Причем терроризм связан со всеми формами *политического насилия* при малейших структурных и других предпосылках (Waldmann 2006: 519), является основной формой насилия с политическими намерениями. Именно для террористов речь идет (по крайней мере, в среднесрочной перспективе) о влиянии на структуры и распределение власти в обществе, чтобы решительно изменить их в свою пользу (Imbusch 2006: 489). Терроризм — это не только совершенное насилие, но и насилие, которое планируется совершить — потенциальное насилие. Ему присущ политический аспект, — это вид насилия, посредством которого совершаются попытки изменить решения общественных лидеров, граждан по поводу общественных норм, образа жизни, целей, задач, и это, как мы уже отмечали, действенная форма психологического насилия. Террористы стремятся установить контроль над обществом, а не только получить моральные и материальные преимущества (Бегор 2006: 41). Они абсолютизируют роль насилия, полагая его инструментом «социальной хирургии».

Завершая анализ терроризма, привлекающий ряд дефиниций, акцентирующих, моделирующих присущие ему характеристики фактора социальных изменений и глобального риска, мы сформулировали определение терроризма, основываясь на вышерассмотренных его признаках. Терроризм — это угроза или применение насилия против лиц или объектов жизнеобеспечения общества, объектов повышенной опасности для людей, окружающей среды, направленные на то, чтобы вызвать страх, достичь социально-политических целей, и влекущие за собой ряд ожидаемых и неожиданных изменений. Терроризм — это рискогенное явление, радикальный фактор изменений, инициируемых угрозой насилия или применением насилия в политических целях (инициируемых целенаправленными террористическими акциями).

Литература

- Андреев Э.М.* Процесс социальный // Социологическая энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 2003.
- Арчер М.* Реализм и морфогенез / Пер. с англ. Оберемко О.А.; науч. ред. перевода Филиппов А.Ф. // Социологический журнал. 1994. № 4.
- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
- Ахиезер А.С.* Мифология насилия в советский период (возможность рецидива) // Общественные науки и современность. 1999. № 2.
- Беглова Н.С.* Терроризм — поиск решения проблемы // США: экономика, политика, идеология. 1991. № 1.
- Бегор К.* Определение терроризма и проблема релятивизма // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 4.
- Бек У.* Молчание слов и политическая динамика в глобальном обществе риска. 2001. [<http://www.academy-go.ru>]
- Бехман Г.* Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1.
- Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Урал. Университета, 2000.
- Витюк В.В.* Терроризм постперестроечной эпохи // Социологические исследования. 1993. № 7.
- Витюк В.В., Эфиоров С.А.* «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М.: «Наука», 1987.
- Владимиров В.А., Воробьев Ю.Л.* Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Си-нергетика. М.: Наука, 2000.
- Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999.
- Гришаев В.В.* Риск и общество (дискуссия о понятии риска) // Социологический форум, 2002. [<http://www.ecsocman.edu.ru>]
- Дьюи Д.* Общество и его проблемы. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Исаев К.* «Общество риска» в условиях глобализации // Социологические исследования. 2001. № 12.
- Кастельс М., Киселева Э.* Россия и сетевое общество: аналитическое исследование // Мир России. 2000. № 1.
- Коробов А.А.* Иммиграционный аспект политического терроризма в России // Власть. 2005. № 9.
- Кузнецов Ю.П.* Террор как средство политической борьбы экстремистских группировок и некоторых государств. СПб.: Мифрил, 1998.
- Кукса В.П., Кислицын С.А.* Государственное регулирование вынужденной миграции на Северном Кавказе // Собрание трудов «Южнороссийское обозрение». 2002. № 8. [<http://www.ippk.edu.mhost.ru>]
- Левашов В.К.* Глобализация и социальная безопасность // Социологические исследования. 2001. № 3.
- Луман Н.* Риск, неопределенность, случайность // Thesis. 1994. № 5.
- Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: становление человека печатающего. М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005.
- Маслова О.В.* Основные состояния общества и деятельностные формы их детерминации. Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2005.
- Мюнклер Х.* Терроризм сегодня // Иностранная литература. 2004. № 9.
- Петрищев В.Е.* Заметки о терроризме. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Савченкова Н.М. Террор: символический акт или абстрактная агрессия? // *Философские науки*. 2005. № 9.

Серебрянников В.В. Социология войны. М.: Ось-89, 1998.

Сорокин П. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000.

Тарусин М. Терракты в России 1991–2002 годов: статистика и тенденции. 2002. [<http://www.sps.ru>]

Терроризм в современной России: состояние и тенденции («круглый стол») / Под ред. Эфендиева М.К. // *Социологические исследования*. 2001. № 5.

Тоценко Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М.: РОССПЭН, 2003.

Федотова В.Г. Терроризм: от старого к новому // *Философские науки*. 2003. № 2.

Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

Феофанов К.А. Российская социология риска: состояние и перспективы // *Социологические исследования*. 2007. № 4.

Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996.

Штомпка П. Социальное изменение как травма // *Социологические исследования*. 2001. № 1.

Щебланова В.В. Угрозы и безопасность: повседневные практики противостояния // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2006. Т. IX. № 2.

Щебланова В.В. Кинорепрезентации террора: героический акт, предательская ошибка, театрализованное действо // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. Т. XI. № 2.

Ядов В.А. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: МПСИ; Флинта, 2005.

Яницкий О.Н. Социология и рискология // *Россия: риски и опасности «переходного общества»* / Под ред. Яницкого О.Н. М.: Изд-во ИС РАН, 2000.

Яницкий О.Н. Кризис и социология // *Социологические исследования*. 2009. № 5.

Altheide D.L. The mass media and terrorism // *Discourse & Communication*. 2007. No 1.

Cooper H.H.A. Terrorism: The Problem of Definition Revisited // *American Behavioral Scientist*. 2001. No 44.

Hoffman B. Terrorismus — der unerklärte Krieg. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 1999.

Imbusch P. Terrorismus — ideologische Spannweite, Charakteristika, historische Ursachen. Fachwissenschaftliche Analyse // *Gewalt: Beschreibungen, Analysen, Prävention*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2006.

Laqueur W. Terrorismus: die globale Herausforderung. Frankfurt/M., Berlin: Ullstein, 1987.

Oliverio A., Lauderdale P. Terrorism as deviance or Social Control: Suggestions for Future Research // *International Journal of Comparative Sociology*, 2005. Vol. 46. No 1–2.

Waldmann P. Eckpunkte einer vorbeugenden Sicherheitspolitik am Beispiel Madrids. Prävention und Intervention // *Gewalt: Beschreibungen, Analysen, Prävention*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2006.

Walzer M. Arguing about War. New Haven: Yale University Press, 2004.